

УДК 94(518)

РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В ДАУРСКОМ АВТОНОМНОМ ХОШУНЕ МОРИН-ДАВА В 1958–1984 ГГ.*

Базар Д. Цыбенков^{a, @, ID}

^a Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, 670047, Россия, г. Улан-Удэ,

ул. Сахьяновой, 6

@ bazar74@mail.ru

^{ID} <http://orcid.org/0000-0002-0404-7207>

Поступила в редакцию 24.08.2018. Принята к печати 17.10.2018.

Ключевые слова:

дауры, народная коммуна, производственная бригада, культурная революция, реформа

Аннотация:

Предметом изучения статьи является сельское хозяйство Даурского автономного хошуна Морин-Дава. Цель состоит в исследовании сельскохозяйственного развития национальной автономии дауров со времени ее основания в 1958 г. и до окончания первого этапа социально-экономических реформ в Китайской Народной Республике в 1984 г. Используются зарубежные и отечественные источники, применяются хронологический, ретроспективный и конкретно-исторический методы исследования. В результате изучения впервые в отечественной исторической науке получили освещение вопросы становления и развития народных коммун и производственных бригад в автономном хошуне, развертывания на его территории сельскохозяйственных мероприятий в годы Большого скачка, «культурной революции», политики реформ и открытости. Также изучены вопросы уменьшения плодородия пахотных земель и деградации пастбищ в период «культурной революции». Полученные результаты могут найти применение в дальнейших научных и научно-практических исследованиях сельского хозяйства национальных меньшинств Китайской Народной Республики, в сравнительно-сопоставительном изучении национальных хозяйственных комплексов Российской Федерации и Китайской Народной Республики. Сделан вывод о тесной взаимосвязи развития сельского хозяйства даурской национальной автономии с общегосударственными процессами, происходившими в сельском хозяйстве Китайской Народной Республики в изучаемый период.

Для цитирования: Цыбенков Б. Д. Развитие сельского хозяйства в Даурском автономном хошуне Морин-Дава в 1958–1984 гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 4. С. 100–105. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-4-100-105>

Введение

К малоизученным вопросам востоковедной науки можно отнести и проблемы развития сельского хозяйства в приграничных районах Китайской Народной Республики (КНР). Особенно это касается национальных автономных образований уездного уровня, населенных малочисленными этносами Китая. Имеющиеся материалы по сельскохозяйственному развитию трех провинций Северо-Восточного Китая (Хэйлуцзян, Цзилинь, Ляонин) и автономного района Внутренняя Монголия фактически не затрагивают сельское хозяйство указанных выше административно-территориальных единиц. Мы предприняли попытку восполнить этот пробел, обратившись к изучению сельско-

го хозяйства Даурского автономного хошуна Морин-Дава в 1958–1984 гг. В то же время признаем, что нами рассматривается лишь небольшая часть большой проблемы, и полученные итоги не всегда применимы к показателям других национальных районов КНР. Хронологические рамки работы ограничены созданием Даурского автономного хошуна Морин-Дава в 1958 г. и завершением первого этапа социально-экономического обновления КНР в 1984 г. За этот короткий промежуток времени сельское хозяйство национальной автономии дауров претерпело ряд серьезных изменений, вызванных претворением в жизнь политических и социально-экономических мероприятий.

* Работа выполнена в рамках государственного задания ИМБТ СО РАН по проекту № 0338-2016-0003 «Межкультурное взаимодействие, этнические и социально-политические процессы в Центральной Азии».

Сельское хозяйство даурской автономии в эпоху кардинальных перемен

1958 г. ознаменовал начало нового этапа в жизни даурского народа. 15 августа 1958 г. было официально провозглашено создание Даурского автономного хошуна Морин-Дава [1, с. 120–121]. Ядро даурского этноса в лице бугхаских дауров обрело относительную самостоятельность во внутренних делах. Образование национальной автономии дауров совпало по времени с политикой Большого скачка. За два дня до официального объявления о создании даурской автономии, 13 августа 1958 г. газета «Жэньминь жибао» опубликовала рекомендацию Мао Цзэдуна, в которой отмечалась необходимость создания народных коммун. Как утверждал Мао Цзэдун, «[народные коммуны] позволят объединить рабочих, крестьян, торговцев, учащихся и солдат, что облегчит руководящую работу» [2, с. 65].

Ход дальнейших событий свидетельствовал о поддержке идей Великого кормчего на уровне высшего партийного руководства. Так, 29 августа 1958 г. в Бэйдайхэ состоялось расширенное заседание Политбюро ЦК КПК, на котором было принято «Решение ЦК КПК по вопросу образования в деревне народных коммун». Отныне волости подлежали замене сельскими народными коммунарами [3, с. 319]. В Даурском автономном хошуне Морин-Дава народные коммуны (жэньминь гуншэ) были созданы в сентябре 1958 г. Всего на территории хошуна появилось 11 народных коммун. Их основой стали 11 деревень, 1 город, 208 сельскохозяйственных кооперативов высшего типа [4, р. 61]. По другим данным в период создания народных коммун в автономном хошуне насчитывалось 192 крупные производственные бригады высшей ступени, 507 обычных производственных бригад. В их состав входило 13968 дворов с общей численностью в 64420 человек. Из них крестьянских дворов было 11300, в них насчитывалось 51264 крестьянина. Сельское хозяйство стало полностью коллективным, все земельные угодья принадлежали народной коммуне [5, р. 85]. Управление народными коммунарами находилось в руках административных органов государственной власти. Волостная администрация фактически встала во главе народных коммун.

Контролируя местные органы власти, руководство страны могло оказывать влияние на организацию трудовой деятельности коллективных хозяйств, ему были доступны обобщественные средства производства. Общественный фонд коммун вобрал в себя всю собственность крестьян, вплоть до подсобного хозяйства, скота, фруктовых насаждений [6, с. 192]. Равное распределение, являвшееся одним из столпов народной коммуны, на деле было несправедливым,

поскольку в расчет не принимались качество и количество труда. Положение усугублялось недостижимыми планами, поставленными перед народными коммунарами. Все это привело к угасанию производственного энтузиазма крестьян. К ним добавились тяжелые три года стихийных бедствий. Условия жизни крестьян были крайне тяжелыми [5, р. 85].

Мы не располагаем конкретными данными о деятельности народных коммун в Даурском автономном хошуне Морин-Дава в период Большого скачка. По всей видимости, следуя государственному лозунгу соединения сельского хозяйства с промышленностью, крестьяне 11 народных коммун предпринимали попытки развития собственной местной промышленности. Часть населения, возможно, была направлена на ирригационные стройки или подъем целинных земель. Как и во всем Северо-Восточном Китае, в даурских районах, очевидно, проходила кампания за глубокую вспашку земли. Предполагалось, что данный метод обработки почвы приведет к повышению урожайности зерновых, бобовых и других сельскохозяйственных культур в два раза. Однако произошло снижение плодородия почвы. Мероприятия и кампании, начатые в период становления народных коммун, отрицательно повлияли на развитие сельского хозяйства [6, с. 195]. Этот период в целом характеризовался погоней за выполнением высоких показателей, «слепым» управлением, сочинительством результатов. Из-за ошибок крайне левых развитие автономного хошуна замедлилось, производственная активность народных масс была снижена. Население в целом негативно отнеслось к идее обобществления имущества и средств производства. Мао Цзэдун был осведомлен об этом и в феврале 1959 г. выступил с осуждением ошибок, допущенных крайне левыми.

Начиная с зимы 1960 г. ситуация в Даурском автономном хошуне Морин-Дава стала меняться в лучшую сторону. ЦК КПК стал исправлять ошибки, допущенные крайне левыми¹. По некоторым данным в снижении объемов сельскохозяйственного производства в КНР большую роль сыграли утечка людских ресурсов и чрезмерные государственные закупки зерна у крестьян. Цель быстрой индустриализации страны основывалась на иллюзии быстрой трансформации мелких хозяйств в крупномасштабные механизированные производства. Среди причин неудачи Большого скачка основным является отвлечение людских ресурсов из сельского хозяйства в 1958–1961 гг. К другим не менее важным причинам можно отнести чрезмерные заготовки зерновых, подорвавшие физические силы крестьянства, а также плохие погодные условия [7, р. 840, 842–843]. Что касается Даурской национальной автономии, то здесь наблюдалась серьезная диспропорция

¹ Molidawa dawuerzu zizhiti gaikuang (Краткий очерк даурского автономного хошуна Морин-Дава). Minzu chubanshe, 2007. P. 61–62.

в производственной структуре сельского хозяйства. После трехлетнего периода стихийных бедствий сельское хозяйство находилось в тяжелом положении, уровень материального благосостояния крестьян упал до критического уровня. В период Великого китайского голода (1959–1961) сбор урожая зерновых во всем Даурском автономном хошуне Морин-Дава снизился до 24 тыс. т. Эти показатели едва составили половину всего урожая, получаемого хошуном в урожайные годы. Создание многоотраслевого народного хозяйства, основанного на земледелии и второстепенных отраслях (животноводство, лесное хозяйство), на самом деле обернулось мероприятиями по поднятию целины. Крупные лесные массивы, пастбища и луга были вспаханы и превращены в сельскохозяйственные площади. Подсобные промыслы подверглись резкой критике, рассматриваясь как курс на капиталистическое развитие. Таким образом, под прикрытием критики и осуждений уничтожались пастбища и леса [5, р. 90–91]. Так было положено начало повсеместному уничтожению природы и последующим экологическим проблемам.

В январе 1961 г. ЦК КПК провозгласил новый курс на «регулирование, укрепление, пополнение и повышение». Для улучшения жизни в народных коммунах были приняты следующие меры: разрешено использование приусадебных участков, владение скотом, открытие сельских рынков, оказание государственной помощи отстающим коммунам. В результате положение дел в сельском хозяйстве постепенно стабилизировалось. Развитие механизации сельского хозяйства наряду с использованием системы производственной ответственности способствовало поднятию жизненного уровня крестьян и в целом подъему сельскохозяйственного производства [5, р. 85]. Вышеотмеченные меры по поддержке народных коммун более известны в КНР как система «сань цзы бао» (три свободы – свобода продажи излишней продукции на рынке, наделение крестьян приусадебными участками, создание мелких предприятий – и одно обеспечение – несение личной ответственности за прибыли и убытки перед коммуной). В этот период большую работу проводили кадровые работники, разъяснявшие крестьянам положения о собственности коммун, о возможности ведения личного хозяйства в небольших размерах [6, с. 197]. В 1965 г. в Даурском автономном хошуне Морин-Дава насчитывалось 17 народных коммун, 140 крупных производственных бригад высшей ступени (шэньчань дадуй), 501 производственная бригада низшей ступени (шэньчань сяодуй). Ежегодный доход автономного хошуна в этот период составлял 671 млн 120 тыс. юаней, в то время как ежегодные расходы – 325 млн 410 тыс. юаней. В коллективных хозяйствах насчитывалось 76 тыс. 279 человек, поэтому в среднем на одного человека приходилось 36 юаней [5, р. 85].

После этого небольшого периода успешного развития наступила «культурная революция» (1966–1976), ознаменовавшая приход смутного времени новых испытаний. Прежние курсы в сельском хозяйстве, звучавшие как «с помощью сельского хозяйства выйти на первое место» и «взять зерно в качестве основы и обеспечить всестороннее развитие», были сведены к курсу «отрицания собственности на пути к классовой революции». Пастбища, леса, подсобные промыслы и приусадебные участки крестьян находились под угрозой уничтожения, что привело к опасной диспропорции в производственной структуре сельского хозяйства. Большие масштабы приняло уничтожение лесных площадей, пастбищ, промысловых территорий. В результате планомерного уничтожения лесных массивов в Даурском автономном хошуне Морин-Дава леса остались лишь в северной части хошуна. Степень покрытия лесами территории хошуна существенно уменьшилась. Подверглись резкому сокращению и размеры пастбищ. По сравнению с 1945 г. площади для выпаса скота сократились в три раза. Растительный покров пастбищ был уничтожен, наблюдалось ухудшение экологической среды, почвенная эрозия во всем хошуне достигла 4523 км². Снизилось плодородие пахотных земель в разных частях хошуна. Для поддержания необходимого объема производства зерновых оставалось лишь опираться на применение химических удобрений. Падение объемов производства зерновых в 1966 г. по сравнению с 1957 г. составило в среднем 9,68 %. Дисбаланс во внутренней структуре сельского хозяйства стал способствовать сокращению сельскохозяйственного производства [5, р. 91].

В целом по всей стране в годы «культурной революции» резко увеличилась нагрузка на сельскохозяйственное производство, сопровождаемая системной неэффективностью и пренебрежением к созданию технологических условий для его развития. Надо заметить, что на протяжении всей маоистской эпохи проявлялось более предвзятое отношение к развитию промышленности. Высокий уровень инвестиций в промышленность поддерживался за счет присвоения сельскохозяйственных доходов (посредством так называемых ценовых ножниц, чей механизм заключается в снижении цен на сельскохозяйственную продукцию). Вслед за ростом промышленности, по мнению китайских специалистов, должен был произойти подъем сельскохозяйственного производства. Однако, как показала история, его не произошло. Из-за озабоченности КПК промышленным развитием страны планируемые расходы на производство сельскохозяйственных орудий и товаров, а также инвестиции в ирригацию, электрификацию сельского хозяйства, были ограничены периодом переналадки в первой половине 1960-х гг. Партия продолжала полагаться на деятельность крупномасштабных

сельскохозяйственных коллективов и автономные инвестиции сельского населения. Хотя появление подобных коллективов привело к масштабной экономии труда, они все же оказывали маргинальный эффект на общую производительность.

С самого начала степень участия сельского населения в коллективном труде была сравнительно низкой, и имелось мало альтернатив для неработающих сельских рабочих [8, р. 45, 48]. В Даурском автономном хошуне Морин-Дава крестьяне продолжали сеять традиционные виды зерновых, включая гречиху и просо. В то же время все большую роль стали играть кукуруза, гаолян, пшеница. В эти трудные годы в автономном хошуне набирала темпы механизация сельского хозяйства. Неуклонно увеличивалось количество тракторов, комбайнов, грузовых автомашин. Успешно работали технические кружки, в которых повышали свою квалификацию механизаторы, трактористы и рядовые крестьяне; в некоторых сомонах развернули деятельность МТС². Несмотря на развитие механизации сельского хозяйства, общее положение дел в данной отрасли оставалось тяжелым.

Ситуация начала быстро меняться с окончанием «культурной революции» в 1976 г. Большую роль сыграл 3-й пленум ЦК КПК в 1978 г., на котором была разработана и утверждена стратегия перехода к рынку. Данная стратегия основывалась на следующих положениях: семейное подрядное хозяйство – основная форма производительной деятельности в сельском хозяйстве на длительное время; развитие многоотраслевой структуры сельской экономики; сохранение принципа оплаты по труду как основной формы распределения доходов, допущение других источников доходов и др. [9, с. 7]. На этом пленуме было намечено направить главные силы на обеспечение скорейшего подъема сельского хозяйства с помощью введения постоянного объема государственных закупок зерна, повышения закупочных цен на зерно (на 20 % для плановых и на 50 % для сверхплановых закупок) и снижения цен на средства сельскохозяйственного производства. Таким образом, началось решение вопроса о неэквивалентном обмене между городом и деревней. В 1979 г. началась организация сельхозпроизводства на подрядной основе и выделение в составе производственных бригад мелких операционных групп. Им передавались в пользование пахотная земля, рабочий скот, инвентарь. В свою очередь они брали на себя ряд обязательств по выполнению производственных планов, объему закупок различных видов сельхозпродукции, отчислениям в коллективные фонды. Основным принципом «большого подряда» стала формула

«обеспечить причитающееся государству, отчисли причитающееся коллективу и возьми себе остальное» [3, с. 231, 223]. По мере того как крестьяне становились более платежеспособными, они начали приобретать материально-технические ресурсы и промышленные товары для своих хозяйств. В Конституции Китая были закреплены имущественные права граждан, поощряющие частную инициативу на селе. С 1981 г. 98 % сельскохозяйственных земель обрабатывались крестьянскими семьями [10, с. 60].

В начале 80-х гг. XX в. в Даурском автономном хошуне появились так называемые испытательные площадки для исполнения «дворовыми хозяйствами обязательства за сбор урожая по намеченному плану», что возымело хороший эффект. Известно, что в качестве таковых были выбраны село Халличен и механизированная земледельческая площадка Каядурбэн сомона Арала. Их успешное развитие вызвало появление и других селений, где началось использование опыта «закрепления производственных заданий за отдельными крестьянскими дворами». В 1981 г. 65 % производственных бригад использовали коллективный и семейный подряд. Оба подряда также применяли 85 % крестьянских дворов. Практика показала, что одновременное применение этих подрядов в значительной степени повышает жизненный уровень крестьянства. Выгода от семейной подрядной ответственности, при которой оплата труда зависела от его результатов, стала очевидной, и наметились видимые улучшения. В ряде даурских сел крестьяне стали сажать технические культуры, в основном сою. Например, в деревне Шаварт, входящей в сельское поселение Шуанлун, соя стала основной посевной культурой. В то же время из-за сужения каналов сбыта табака началось сокращение табачных насаждений. Дауры издавна выращивали табак, и каждая семья имела участок для его выращивания [5, р. 85–86]. Теперь крестьяне были ориентированы на рынок, поэтому выращивание тех или иных культур находилось в тесной зависимости от конъюнктуры рынка.

Заключение

Как показало наше исследование, сельское хозяйство национальной автономии дауров в своем развитии прошло те же этапы, что и другие регионы КНР. Годы Большого скачка и «культурной революции» явились серьезным испытанием для всего населения Даурского автономного хошуна Морин-Дава. Земледелие, являвшееся основой сельского хозяйства дауров, претерпело кардинальные перемены. От традиционного выращивания гречихи и проса дауры перешли к выращиванию новых зерновых

² Morindabaya dayur ündüsüten-ü öbürtegen jasaqu qoşiyun-u toyimu bayidal (Обозрение даурского автономного района Морин-Дава). Hohhot: Obor Mongyol-un arad-un keblel-un horig-a, 1988. P. 111.

и технических культур. Даурские крестьяне испытывали те же трудности, каким подвергалось сельское население и в других регионах КНР. Большие масштабы в исследуемый период приняло уничтожение лесных площадей, пастбищ, промысловых территорий. Несмотря на многие негативные тенденции в сельском хозяйстве, руководство хошуна еще до первого этапа реформ 1978–1984 гг. пред-

принимало удачные попытки механизации сельского хозяйства. В годы социально-экономического обновления в хошуне были проведены успешные работы по созданию передовых экспериментальных площадок на базе некоторых даурских сел. Впоследствии этот опыт, перенесенный на другие селения автономного хошуна, способствовал подъему сельского хозяйства национальной автономии дауров.

Литература

1. Цыбенков Б. Д., Юй Ш. История создания даурского автономного хошуна Морин-Дава (1945–1958 гг.) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2017. Т. 22. С. 113–123.
2. Крушинский А. С. От эйфории – к гладомору // Азия и Африка сегодня. 2009. № 4. С. 60–65.
3. История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Т. IX. Реформы и модернизация (1976–2009) / отв. ред. А. В. Виноградов. М.: Наука, 2016. 996 с.
4. Zhuoren M. D. Molidawa dawuerzu zizhiti zhi (1993–2005 nian) (Описание даурского автономного хошуна Морин-Дава (1993–2005 гг.). Neimenggu wenhua chubanshe, 2008. 1028 p.
5. Qi Hoijun, Cong Jingzhu. Chuantong yu xiandai: dawoerzu nongmin shenghuo (Традиции и современность: условия жизни даурских крестьян). Beijing: Zhongyang minzu daxue chubanshe, 2006. 289 p.
6. История Северо-Восточного Китая XVII–XX вв. Книга 3. Северо-Восточный Китай в 1945–1978 гг. / гл. ред. В. Л. Ларин. Владивосток: Дальнаука, 2004. 344 с.
7. Wei Li, Dennis Tao Yang. The Great Leap Forward: Anatomy of a Central Planning Disaster // Journal of Political Economy. 2005. Vol. 113. № 4. P. 840–877.
8. Brødsgaard K. E., Rutten K. Primitive Socialist Accumulation, Readjustment and Reform (1953–1978) // From Accelerated Accumulation to Socialist Market Economy in China. Brill, 2017. P. 17–52. Режим доступа: <http://www.jstor.org/stable/10.1163/j.ctt1w8h2tj.7> (дата обращения: 09.06.2018).
9. Шамин А. Е., Вожаева Н. Г. Опыт решения аграрных проблем в сельском хозяйстве Китая // Вестник НГИЭИ. 2011. № 2. С. 5–19.
10. Потаев В. С. Сельское хозяйство Китая: реформы, состояние и перспективы // Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент. 2014. № 3. С. 59–64.

DEVELOPMENT OF RURAL ECONOMY OF THE MORIN-DAWA DAUR AUTONOMOUS REGION IN 1958–1984*

Bazar D. Tsybenov^{a, @, ID}

^a Institute for Mongolian, Buddhist, and Tibetan Studies, 6, Sakhyanovoy St., Ulan-Ude, Russia, 670047

@ bazar74@mail.ru

^{ID} <http://orcid.org/0000-0002-0404-7207>

Received 24.08.2018. Accepted 17.10.2018.

Keywords: Daur, people's communes, production brigades, cultural revolution, reform

Abstract: The subject of this study is the agriculture of the Morin-Dawa Daur Autonomous region. The purpose of the article is to study the agricultural development of the national autonomy of the Daur people in 1958–1984. The author used foreign and Russian sources and employed chronological, retrospective, and concrete historical methods of research. The article features the formation and development of people's communes and production brigades in the autonomous region, as well as their agricultural activities during the years of the "big leap", "cultural revolution", and "reform and opening up" in China. The author also studied the degradation of agriculture and pastures

* The research was performed within the framework of the state task of the Institute for Mongolian, Buddhist, and Tibetan Studies, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, project No. 0338-2016-0003 "Intercultural interaction, ethnic, and socio-political processes in Central Asia".

during the "cultural revolution". The results of the research can be applied in scientific and practical studies of the agriculture of the national minorities of the People's Republic of China, in a comparative study of the national economic complexes of the Russian Federation and the People's Republic of China. The author concludes that the development of agriculture of the Morin-Dava Daur Autonomous region was an integral part of the nation-wide processes in the Chinese agriculture.

For citation: Tsybenov B. D. Razvitiie sel'skogo khoziaistva v Daur'skom avtonomnom khoshune Morin-Dava v 1958–1984 gg. [Development of Rural Economy of the Morin-Dava Daur Autonomous Region in 1958–1984]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 4 (2018): 100–105. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-4-100-105>

References

1. Tsybenov B. D., Yui Sh. Istoriia sozdaniia daurskogo avtonomnogo khoshuna Morin-Dava (1945–1958 gg.) [The history of the creation of the Daur autonomous region Morin-Dava (1945–1958)]. *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Istoriia = Bulletin of Irkutsk State University. Series: History*, vol. 22 (2017): 113–123.
2. Krushinsky A. S. Ot eiforii – k gladomoru [From euphoria to famine]. *Aziia i Afrika segodnia = Asia and Africa today*, no. 4 (2009): 60–65.
3. *Istoriia Kitaia s drevneishikh vremen do nachala XXI veka. T. IX. Reformy i modernizatsiia (1976–2009)* [History of China from ancient times to the beginning of the XXI century. Vol. IX. Reforms and modernization (1976–2009)]. Ed. Vinogradov A. V. Moscow: Nauka, 2016, 996.
4. Zhuoren, Meng Dawei. *Molidawa dawuerzu zizhiti zhi (1993–2005 nian)* [The review of the Morin-Dava Daur Autonomous region (1993–2005)]. Neimenggu wenhua chubanshe, 2008, 1028.
5. Qi Hoijun, Cong Jingzhu. *Chuantong yu xiandai: dawoerzu nongmin shenghuo* [Traditions and modernity: living conditions of Daur peasants]. Beijing: Zhongyang minzu daxue chubanshe, 2006, 289.
6. *Istoriia Severo-Vostochnogo Kitaia XVII–XX vv. Kniga 3. Severo-Vostochnyi Kitai v 1945–1978 gg.* [The history of Northeast China in the XVII–XX centuries. Book 3. Northeast China in 1945–1978]. Ed. Larin V. L. Vladivostok: Dal'nauka, 2004, 344.
7. Wei Li, Dennis Tao Yang. The Great Leap Forward: Anatomy of a Central Planning Disaster. *Journal of Political Economy*, 113, no. 4 (2005): 840–877.
8. Brodsgaard K. E., Rutten K. *Primitive Socialist Accumulation, Readjustment and Reform (1953–1978). From Accelerated Accumulation to Socialist Market Economy in China*. Brill, 2017, 17–52. Available at: <http://www.jstor.org/stable/10.1163/j.ctt1w8h2tj.7> (accessed 09.06.2018).
9. Shamin A. E., Vozhdaeva N. G. Opyt resheniia agrarnykh problem v sel'skom khoziaistve Kitaia [The experience of solving agrarian problems in agriculture in China]. *Vestnik NGIEI = Herald NGIEI*, no. 2 (2011): 5–19.
10. Potaev V. S. Sel'skoe khoziaistvo Kitaia: reformy, sostoiianie i perspektivy [Agriculture in China: Reforms, Status, and Prospects]. *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika i menedzhment = Bulletin of Buryat State University. Economics and Management*, no. 3 (2014): 59–64.